

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.А. ЛЕОНТЬЕВА (1936—2004)

УДК: 159.9.019, 159.922

ЧТОБЫ БЫТЬ ПСИХОЛОГОМ, НЕЛЬЗЯ НЕ БЫТЬ ФИЛОСОФОМ, ИЛИ ПОЧЕМУ ИМЕЕТ СМЫСЛ СПОРИТЬ О ПОНЯТИЯХ

Е. Е. Соколова

Статья написана в контексте развития творческого наследия А.А. Леонтьева (1936—2004). Откликаясь на призыв ученого интенсифицировать методологическую работу в психологии и углубить «критику понятий», автор статьи анализирует историю возникновения и развития понятия «функциональный орган» в психологии деятельности. В противовес популярным в последнее время тенденциям определять психическое как функциональный орган индивида или души, автор настаивает на определении психики как функционального органа деятельности, что соответствует не букве, но духу деятельностного подхода в психологии в варианте школы А.Н. Леонтьева. Такое понимание сущности психического может вывести психологию из дихотомии механицизма и спиритуализма, без преодоления которой, как отмечал еще Л.С. Выготский, невозможно адекватное развитие психологической науки и практики.

Ключевые слова: А.А. Леонтьев, методология психологии, функциональный орган, деятельность, психика, деятельностный подход в психологии, школа А.Н. Леонтьева.

Соколова Елена Евгеньевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* ees-msu@mail.ru

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-06-10942а «Научное наследие А.А. Леонтьева».

Всегда в памяти

14 января 2016 г. исполнилось бы 80 лет человеку энциклопедического дарования, крупному отечественному психологу и филологу Алексею Алексеевичу Леонтьеву (1936—2004). Я познакомилась с А.А. Леонтьевым еще в студенческие годы, когда вместе с Е.Ю. Патяевой (тогда однокурсницей, а ныне коллегой по работе на факультете психологии МГУ) посещала его спецкурс по психологии общения. Особенно запомнилось мне, как обрадовался Алексей Алексеевич, когда обнаружил, что совсем еще юные студентки смогли понять давно очевидную ему бесплодность попыток некоторых психологов соединить категории деятельности и общественных отношений простым союзом «и». Мы с удовольствием напоминали друг другу фразу из последней книги А.Н. Леонтьева, касающуюся диалектического решения проблемы соотношения деятельности и общественных отношений: «...реальным базисом личности человека является совокупность его общественных по своей природе отношений к миру, но отношений, которые *реализуются* <...> его деятельностью» (Леонтьев, 2004, с. 140; выделено автором. — Е.С.). Еще было поразительно, что Алексей Алексеевич, казавшийся нам небожителем, не только прислушивался к нашему студенческому мнению, но и вел себя с нами, «дамами», галантно, как истинный джентльмен.

Позже мы неоднократно встречались в коридорах факультета на переменах или после занятий (на многие лекции Алексея Алексеевича я ходила в разные годы), и он каждый раз спрашивал: «Ну как, лекция сегодня удалась? Я сегодня был убедителен? Или надо над чем-то поработать?» И было видно, что он действительно хочет получить от слушателей «обратную связь», чтобы и дальше совершенствовать свои и без того блестящие, информационно насыщенные и всегда четко структурированные выступления.

И конечно, мы постоянно встречались с ним в доме, где когда-то жил его отец, создатель общепсихологической теории деятельности Алексей Николаевич Леонтьев, и где ежегодно 5 февраля отмечался и отмечается день его рождения. Алексей Алексеевич был всегда готов обсудить возникшие у него идеи по сохранению и развитию творческого наследия А.Н. Леонтьева и других представителей созданной им научной школы. Он принимал активное участие в подготовке и проведении юбилейных мероприятий, посвященных 100-летию А.Н. Леонтьева, а это были очень хорошо организованная и блестяще проведенная Зимняя психологическая школа-2003 в Звенигороде, а затем и Международная конференция в мае того же года

на факультете психологии МГУ. К последней конференции Алексей Алексеевич выпустил книгу о жизни и творчестве А.Н. Леонтьева, которая затем вошла составной частью в коллективную монографию «Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность» (Леонтьев и др., 2005). Увы, эта монография увидела свет лишь после весьма неожиданной для очень многих кончины Алексея Алексеевича. Но одна из последних прижизненно изданных книг А.А. Леонтьева «Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность)» (2001) постоянно выступает для меня источником размышлений о методологических основаниях и перспективах развития фундаментальной науки в контексте культурно-деятельностной психологии¹.

Предлагаемая вниманию читателя статья является одним из возможных ответов на призыв А.А. Леонтьева уделять серьезное внимание философско-методологической работе в психологии, в частности «критике понятий», которая, по его мнению, не сводится к сугубо «метафизическим размышлениям», а имеет непосредственный практический смысл.

Об очках и крючках, или О роли понятийной работы в психологии

Анализируя творчество не только А.Н. Леонтьева, но и Л.С. Выготского², С.Л. Рубинштейна, М.М. Бахтина, Г.Г. Шпета, П.А. Флоренского, М.К. Мамардашвили, Алексей Алексеевич неизменно повторял: чтобы быть психологом, нельзя не быть философом. «Конечно, — писал он, — можно строить систему психологии и без таких философско-методологических ухищрений. Мы уже имеем такой печальный опыт в истории нашей науки. Важно осознать этот опыт и никогда на этот уровень не возвращаться» (Леонтьев, 2001, с. 332). При этом философско-методологическим основанием «психологии деятельности, сознания, личности», как маркировал А.А. Леонтьев систему идей своего отца, был марксизм, но не в его усеченном варианте (в форме «диамата»), который существовал в советское время³ и был не продолжением и развитием спинозиз-

---

¹ Еще 10 лет назад вышла моя статья с анализом некоторых положений данной книги, вызвавшая много споров среди методологов психологии (Соколова, 2006).

² Ведь именно А.А. Леонтьев написал одну из первых книг о творчестве «Моцарта психологии», вышедшую уже в новую для нашей страны эпоху (см.: Леонтьев, 1990).

³ Многие современные философы специально оговаривают данное разведение (см., напр.: Мареев, 2008).

ма⁴, а скрытым картезианством. За подлинным марксизмом стояла уходящая в далекое прошлое диалектическая традиция в философии. Видя последние два десятилетия своей жизни, что новые поколения психологов часто обучаются и воспитываются в условиях однозначно отрицательного отношения к советскому прошлому и поэтому к диалектической философии, Алексей Алексеевич считал необходимым заново перечитать работы великих диалектиков прошлого, в частности Гегеля, чтобы «усвоить, наконец, что такое кристаллизация и преобразование, момент и снятость...» (там же, с. 332). Иначе, утверждал он, невозможно не только понять философские основания психологии деятельности, развиваемой в школе А.Н. Леонтьева, но и саму психологическую теорию деятельности. В контексте этой новой рефлексии диалектической философии и психологии А.А. Леонтьев читал на факультете психологии МГУ курсы «Деятельность как психологическое понятие» и «Знак и личность». Программы этих курсов легли в основу указанной книги, сверхзадача которой заключалась в поднятии «философской культуры молодых психологов» (там же, с. 7). По мнению А.А. Леонтьева, которое я всецело разделяю, одной из задач подобной методологической работы выступает анализ (или «критика», как говорили философы ранее) используемых в психологии понятий. Этот анализ является одной из задач общей психологии как философии психологической науки.

Почему же имеет смысл спорить о понятиях⁵? Ведь такая работа, казалось бы, далека от современной психологии, ориентированной в основном на практику. Для ответа на этот вопрос можно указать на известное выражение Л. Больцмана, что нет ничего практичнее, чем хорошая теория, или на блестящий анализ Л.С. Выготским соотношения практики и теории в психологии. Но особую актуальность спор о понятиях приобретает именно сейчас, в условиях появления в отечественной психологии тренда на понимание понятийно-методологической работы в науке как «надевания очков или линз», через которые человек видит мир. Появился даже специальный термин «методологическая оптика». Так, в недавно вышедших моно-

---

⁴ Я придерживаюсь точки зрения, когда-то высказанной Г.В. Плехановым и поддерживаемой некоторыми философами, особенно Э.В. Ильенковым и многими его последователями, что марксизм есть разновидность Спинозизма. Не случайно поэтому Л.С. Выготский призывал оживить Спинозизм в марксистской психологии и видел в учении Спинозы основание будущей, а не прошлой психологии (см.: Выготский, 2006).

⁵ Именно так называлась книга немецких философов, вышедшая на русском языке во второй половине 1980-х гг. (Леске и др., 1987).

графиях М.С. Гусельцевой (2013, 2014) немало страниц посвящено подробному анализу разных терминов, в которых представлен этот метафорический конструкт (очки, линзы, бинокль, микроскоп, телескоп, фокусировка взгляда и пр.). Согласно автору, подобные «очки» выступают посредниками между исследователем и изучаемой реальностью, и индивид может менять их (не всегда сознательно) в зависимости от решаемых им задач и используемого языка.

Зачастую смешивая «термин» и «понятие», М.С. Гусельцева считает поэтому основной задачей новой психологии «овладение разнородными аспектами культурно-психологических реальностей <...> посредством конструирования сети терминов» (Гусельцева, 2013, с. 34). Психологам (особенно работающим в практике) предлагается «играть» разными подходами, воспринимая их как равноценные, поскольку «возможно всё», и отбирать «из многообразия имеющегося арсенала метод, подходящий уникальному человеку в конкретности ситуации» (Гусельцева, 2014, с. 370). Да и при «теоретизировании» можно оформлять результаты познания и как научный дискурс, и как нарратив (там же).

Очевидно, что «оптическое» понимание методологии сопрягается с постмодернистским «сетевым» подходом к изучению реальности, который упорно противопоставляется системно-целостному видению мира в диалектике. Обсуждение различных последствий « сетевого » подхода в методологии я выношу за скобки в силу необъятности темы, однако не могу не оценить весьма печальные последствия его применения в педагогике высшего психологического образования, качество которого всегда заботило А.А. Леонтьева. С каждым годом студентам приходится запоминать все больше и больше разных взглядов, концепций, подходов, заучивать (часто не понимая), что говорил по тому или иному поводу тот или другой автор, иногда (ведь «возможно всё») выдавать бессмысленный с точки зрения психологической науки набор слов за позицию («а я так вижу, это мое мнение»). Подобные установки, писал в свое время близкий по духу психологической школе А.Н. Леонтьева философ Э.В. Ильенков, приводят к тому, что студент, демонстрируя чудеса запоминания и «изоощренную лингвистическую ловкость» (Ильенков, 2002, с. 87) в ущерб психологическому мышлению как таковому, приобретает знание не вещей, а «тех фраз, которые по поводу этих вещей сказаны другими людьми» (там же, с. 84), т.е., говоря языком школы Л.С. Выготского — А.Н. Леонтьева — А.Р. Лурия, оперирует лишь знаками (фактически значками) вещей, а не стоящими за ними значениями.

Между тем в культурно-деятельностной психологии, которая базировалась на диалектической философии Спинозы, Гегеля, Маркса, Ильенкова, имеет место совершенно другое — «действенное» — понимание методологии и научно-понятийного мышления в целом. Как Э.В. Ильенков, так и представители школы А.Н. Леонтьева подчеркивали, что мышление — не продукт мыслящей головы, отвлеченной от жизни, а функция деятельности субъекта в мире. И у Э.В. Ильенкова (2002, с. 98), и у А.Н. Леонтьева (2004, с. 121) можно найти прямые высказывания (отсылающие знающих читателей именно к спинозизму) о том, что субстанцией мышления является практическая деятельность субъекта. Поэтому понятия о чем-либо не могут быть сформированы вне организации практических действий человека по овладению соответствующей действительностью, т.е. понятия выступают, говоря метафорически, не столько «очками», сколько «крючками», при помощи которых действительность познается и изменяется в потребном обществе направлении⁶. Неоднократно цитируя в своих трудах подобные мысли Э.В. Ильенкова и А.Н. Леонтьева и продолжая развивать их идеи, А.А. Леонтьев утверждал, что знания выступают ориентирами в мире, необходимыми для того, чтобы **«уметь ЖИТЬ И ДЕЙСТВОВАТЬ в этом мире»** (Леонтьев, 2003, с. 387; здесь и далее выделено автором. — Е.С.). Поэтому, говорил он, для жизни в столь быстро изменяющемся мире необходимо **«учить детей так, чтобы никакие, даже самые глубокие изменения в окружающем мире не смогли поставить его в тупик»** и **«ориентировать ребенка на возможное будущее, в создании которого ему так или иначе придется участвовать, а не на мифологическое прошлое, продолжающее жить в виде стереотипных формул, рекомендаций и установок»** (там же, с. 393). А.А. Леонтьев был противником мозаичности обучения, утверждая, что основным в содержании обучения (не только в средней школе, но и в высшей) является **«не набор и даже не система отдельных знаний ученика, а обобщенное, целостное представление о мире, о месте в нем общества и человека»** (там же, с. 384).

Вот почему имеет смысл спорить о понятиях: овладение адекватными понятиями приводит не столько к иному видению мира, сколько к изменению способа действия в нем.

---

⁶ Об этом последнем когда-то удивительно точно сказал Б. Брехт устами своего литературного персонажа Циффеля («Разговоры беженцев»), сравнив понятия с «захватами» («крючками»), «с помощью которых можно двигать вещами».

Следующий раздел статьи будет посвящен анализу истории возникновения и использования в психологии одного из важнейших понятий — понятия «функциональный орган», а затем, в заключительном разделе, будет обосновано авторское определение данного понятия в духе культурно-деятельностной психологии.

О понятии «функциональный орган» в психологии

Как известно, понятие «функциональный орган» ввел в науку отечественный физиолог А.А. Ухтомский. Он определил его как «всякое сочетание сил, могущее привести при прочих равных условиях всякий раз к одинаковым результатам» (Ухтомский, 2002, с. 124; выделено автором. — Е.С.), или, в более привычной формулировке, «всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение» (там же, с. 98). Ухтомский имел в виду прежде всего физиологические функциональные органы, т.е. временное объединение функций определенных анатомо-физиологических структур, обеспечивающих решение той или иной задачи жизнедеятельности⁷. Именно в этом значении использовалось словосочетание «функциональный орган» и в трудах А.Н. Леонтьева⁸, определявшего его как онтогенетически складывающиеся и функционирующие как единое целое мозговые системы, специфическими отправлениями которых являются психические способности или функции. Примером такого функционального органа, по мнению А.Н. Леонтьева (1983), является система звуковысотного слуха.

Между тем сам «дух» деятельностного подхода в варианте школы А.Н. Леонтьева позволяет дать иное определение данного понятия, не имеющее прямого отношения к анатомо-физиологическим структурам. Развивая идеи школы А.Н. Леонтьева, я в последнее десятилетие говорю о психике как о **функциональном органе деятельности**, т.е. временном сочетании **деятельностных «сил»**, способных осуществить некую специфическую работу (Соколо-

---

⁷ Анализируя творчество А.А. Ухтомского, А.А. Леонтьев подчеркивал, что главное в его концепции доминанты как временного функционального органа «лежит за пределами физиологии. Это основа духовности человека» (Леонтьев, 2001, с. 120). К аналогичному выводу приходит и В.П. Зинченко, который считает, что А.А. Ухтомский «сделал шаг от функционального органа к духовному организму» (Зинченко, 2011, с. 261). Однако анализ данного вопроса не входит в задачи настоящей статьи.

⁸ По свидетельству А.А. Леонтьева (2001, с. 120), понятие функционального органа было воспринято А.Н. Леонтьевым от А.А. Ухтомского через Н.А. Бернштейна.

ва, 2005, 2011 и др.). В трудах А.Н. Леонтьева и его соратников нет подобных формулировок, однако деятельностное понимание психического раскрывается в отдельных утверждениях представителей рассматриваемой школы. Таково, например, определение А.Н. Леонтьевым предмета психологии как функции «полагания субъекта в предметной действительности и ее преобразования в форму субъективности» (Леонтьев, 2004, с. 73)⁹ и его же утверждение, что деятельность составляет «субстанцию сознания» (там же, с. 121). Подобные мысли развивал и П.Я. Гальперин в знаменитой дискуссии 1969 г., говоря, что «психика живет в деятельности. Она есть какой-то аппарат в этой деятельности» (там же, с. 335). С ним соглашался Д.Б. Эльконин, настаивая на том, что психика есть ориентировочная «часть» любой формы деятельности (внешней и внутренней), не имеющая своего особого «экстериоризированного» продукта, поскольку ее продуктом является движение самой исполнительной части (там же, с. 337—338).

В свою очередь Э.В. Ильенков при интерпретации идей Б. Спинозы утверждал, что «мышление *не продукт* действия, а *самое действие*, рассматриваемое в момент его совершения, как, например, ходьба есть способ действия ног, “продуктом” которого оказывается пройденное пространство» (Ильенков, 1984, с. 31; курсив автора. — Е.С.). А известный методолог Э.Г. Юдин при анализе идей психологии деятельности прямо заявлял, что А.Н. Леонтьев понимал «психику как функциональный “орган” деятельности» (Юдин, 1997, с. 274). Подобные определения психики как органа регуляции деятельности, порождаемого самой деятельностью, встречаются и в отдельных относительно ранних работах В.П. Зинченко (Зинченко, 1983; Зинченко, Мамардашвили, 2004).

Нет возможности подробно рассматривать здесь теоретические и практические выводы из такого радикального изменения взгляда на сущность психического, до сих пор с трудом понимаемого даже многими соотечественниками А.Н. Леонтьева (подробнее об этих выводах см., напр.: Соколова, 2005, 2011). Скажу лишь кратко: трактовка бытия психического как функции деятельности, восходящая к спинозизму, а именно к идее мышления как атрибута единой и единственной (протяженной и мыслящей) субстанции, обеспечивает единство предмета психологии вопреки распространенным ныне утверждениям о ее «полипредметности», дает возможность антидихотомического решения ряда фундаментальных проблем

---

⁹ По моему мнению, эта функция и есть психика.

психологической науки: внутреннего/внешнего, отражения/конструкции, всеобщего/единичного, интеллекта/аффекта и др. Не так давно подобное понимание психического обнаружило свою эвристичность и применительно к изучению деятельности животных в так называемых ситуациях новизны (Соколова, Федорович, 2013).

Между тем многие авторы, еще совсем недавно говорившие о деятельностной природе сознания и психики, по разным причинам отказываются от подобных взглядов. Так, например, В.П. Зинченко, называя функциональными органами очень разные реальности (культуру, образ, имя и др.) и иногда в прежнем духе высказываясь о деятельности как об органической системе, порождающей недостающие ей органы (Зинченко, 2002, с. 79), или определяя мышление как функциональный орган-новообразование, представляющий собой деятельность или действие (там же, с. 143—144), начал все чаще добавлять к словосочетанию «функциональный орган» слово «индивид», порой относя к функциональным органам индивида и саму деятельность, и личность, и все чаще называть «носителем» сознания как функционального органа души.

Функциональный орган... чей?¹⁰

В ряде работ В.П. Зинченко отрицание деятельностного понимания психики и сознания (т.е. их определения как функциональных органов *деятельности*) сопровождается резкой критикой позиции А.Н. Леонтьева, который, по его мнению, пытался преодолеть картезианский дуализм ценой «отказа от психики, испарения психики в деятельности» (Зинченко, 2000, с. 137). Во многих своих трудах В.П. Зинченко повторяет афористичное выражение «сознание не отпускалось с короткого поводка деятельности», считая, что А.Н. Леонтьев — в том числе по идеологическим причинам — отказывал сознанию в существовании **«вне, помимо, а тем более над деятельностью»** (Зинченко, 1997, с. 171; выделено автором. — *Е.С.*). Называя тезис о единстве сознания и деятельности (принадлежавший, по его мнению, не только С.Л. Рубинштейну, но и А.Н. Леонтьеву) «уныло-советским» (Зинченко, 2000, с. 128), В.П. Зинченко настаивает на изучении сознания как такового, имеющего, по его мнению, автономное, непосред-

---

¹⁰ Формулировка заголовка данного раздела навеяна названием статьи Ф.Т. Михайлова (2001), также имеющей отношение к методологическим проблемам культурно-деятельностной психологии.

ственное и объективное существование (Зинченко, 1997, с. 173). Справедливо борясь с положением «психика есть функция мозга» (что соответствует всему духу деятельностного подхода школы А.Н. Леонтьева), Владимир Петрович в конечном итоге возвращается к давно, казалось бы, преодоленной в истории психологии позиции — все психические процессы являются функциональными органами души: «Оставим в стороне вопрос о принадлежности функциональных органов. Не столь важно, принадлежат ли они индивиду или его душе. Главное, что они составляют духовный организм, увеличивают силы и способности души» (Зинченко, 2002, с. 381). Именно душу, развивающуюся спонтанно, а не «детерминистски», душу, которая «не формируется извне, по заказу, а выявляется, раскрывается, приводится в движение, оформляется или... закрывается, освобождается от внешних влияний» (там же, с. 380; выделено автором. — Е.С.), предлагается вернуть в психологию: «Она для психологии не только символ возможной будущей целостности ее как науки, но и путь к ней» (там же, с. 403). В относительно недавно вышедшем коллективном труде по проблемам и перспективам развития методологии психологии (одним из авторов которого был В.П. Зинченко) выражается надежда на то, что если в прошлом психология была наукой о душе, а затем — наукой о ее отсутствии, то «в будущем она вновь станет наукой о присутствии души и духа» (Василюк и др., 2012, с. 505).

А.А. Леонтьев не мог не отреагировать на изменившийся тренд в понимании природы психического в работах своего коллеги. Высоко оценивая более ранние работы В.П. Зинченко в плане творческого развития культурно-деятельностной психологии, особенно книгу «Функциональная структура действия» (Гордеева, Зинченко, 1982), А.А. Леонтьев совершенно иначе отозвался на книгу «Мысль и Слово Густава Шпета» (Зинченко, 2000), подчеркнув, что это произведение представляет собой «по существу развернутое обвинение психологической теории деятельности в “бездушности”, марксизме и других “грехах” (Шпет здесь последовательно противопоставляется А.Н. Леонтьеву)» (Леонтьев, 2001, с. 210).

Полемизируя с В.П. Зинченко по ряду вопросов, А.А. Леонтьев дает в своих работах глубокий анализ философских оснований теории деятельности, подчеркивая их нетождественность тем вульгарным вариантам марксизма, которые были распространены в советское время (особенно так называемой ленинской теории отражения), и тем самым их антикартезианский характер. В частности, он настаивает на том, что «онтологически первичен, является

исходным пунктом для психолога (и любого “человековеда”, гумани-тария) не объектный мир и противопологаемый ему субъект (картезианская точка зрения), а единый континуум, в котором субъект взаимодействует с миром объектов» (там же, с. 262). Перечисляя варианты терминологического обозначения этого континуума (например, «единый континуум бытия—сознания» М.К. Мамардашвили, включенность людей в предметно-дискретный мир А.Н. Леонтьева, «вживленность» человека в мир Ф.Е. Василюка и т.п.), А.А. Леонтьев подчеркивает, что «во всех этих трактовках базисными не являются “полюса” взаимодействия (субъект и объект) — базисной является *деятельность*, связывающая их в онтологическое единство. Она не “прибавляется” к субъекту и объекту, а *конституирует* их. Не только субъект, но и объект (или предметный мир) просто не может существовать вне совокупной деятельности человечества в этом мире» (там же; выделено автором. — Е.С.). Я также считаю данное положение глубинным философским основанием теории деятельности (Соколова, 2011).

Лишь в одном пункте хотелось бы возразить Алексею Алексеевичу, когда он утверждает, что в теории деятельности школы А.Н. Леонтьева действительной противоположностью является противоположность «не между “внутренним” сознанием и “внешним” предметным миром, а между образом и процессом (деятельностью)» (Леонтьев, 2001, с. 264). Представляется, что диалектическая противоположность тут несколько иная. Это противоположность не между образом и деятельностью как таковой, а между тем, что А.Н. Леонтьев называл психикой-образом и психикой-процессом (Леонтьев, 2004, с. 312). Я настаиваю на том, что психическое как процесс есть определенный функциональный орган деятельности, который совершает специфическую работу (ориентировку в мире, коррекцию осуществляющейся деятельности и пр.), и поэтому психика — это не только образ, но и процесс, *не* тождественный деятельности в целом, которая составляет субстанцию психического.

Приведя критику А.А. Леонтьева в адрес некоторых работ В.П. Зинченко, касающуюся темы настоящего раздела, добавлю еще кое-что от себя. Рассмотрение психики и сознания как функционального органа души противоречит антикартезианской позиции, резко выраженной в 1977 г. самим В.П. Зинченко в знаменитой статье, написанной совместно с М.К. Мамардашвили. В ней субъективное рассматривалось «как род (и ряд) исходных, многократно превращенных (в том числе и извращенных) форм предметных

деятельностей» (Зинченко, Мамардашвили, 2004, с. 66); при этом авторы статьи подчеркивали, что «субъективность сама входит в объективную реальность, данную науке, является элементом ее определения, а не располагается где-то над ней в качестве воспаренного фантома физических событий, элиминируемого наукой, или за ней в виде таинственной души» (там же, с. 56—57). На мой взгляд, обоснованная в этой статье антикартезианская позиция сохраняет свою актуальность и в современной науке, в которой наряду с периодически раздающимися призывами «возвратить душу в психологию» все больше укрепляется, казалось бы, прямо противоположный тренд к поиску разгадки механизмов психики путем изучения нейронов, нейронных сетей, картирования мозга, что является обновленным вариантом все той же старой идеи о психике как функции мозга.

Таким образом, в настоящее время в решении самых фундаментальных вопросов психологии вновь повторяется та же ситуация, которая была отмечена еще в первой половине 1930-х гг. Л.С. Выготским и проанализирована им на материале психологии эмоций. Выготский убедительно показал, что кризисные явления в психологии эмоций, равно как и во всей психологической науке, обусловлены восходящим к Р. Декарту дуализмом спиритуализма и механицизма, которые не исключают, а эклектически дополняют друг друга. Выход из кризиса Л.С. Выготский видел в развитии спинозизма в психологии, без чего, по его мнению, «невозможен завтрашний день нашей психологии» (Выготский, 1984, с. 301). В этом направлении, по моему мнению, шла и идет культурно-деятельностная психология, идеи которой развивал и А.А. Леонтьев. Именно в ней содержится нетривиальное для современной психологии утверждение о психике как **функциональном органе деятельности**, а не мозга или души, действующей по необъяснимым наукой порывам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Василюк Ф.Е., Зинченко В.П., Мецержаков Б.Г., Петровский В.А., Пружинин Б.И., Щедрин Т.Г. Методология психологии: проблемы и перспективы. Учеб. пособие / Под общ. ред. В.П. Зинченко; науч. ред. Т.Г. Щедрин. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012.

Выготский Л.С. Учение об эмоциях: Историко-психологическое исследование // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 6. С. 91—318.

Выготский Л.С. Два фрагмента из записных книжек. Психофизическая проблема // Вестник РГГУ. Сер. Психология. 2006. № 1. С. 294—298.

Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

Гусельцева М.С. Эволюция психологического знания в смене типов рациональности (историко-методологическое исследование). М.: Акрополь, 2013.

Гусельцева М.С. Интеллектуальные традиции российской психологии (культурно-аналитический подход). М.: Акрополь, 2014.

Зинченко В.П. А.Н. Леонтьев и развитие современной психологии // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 1. С. 8—16.

Зинченко В.П. Посох Мандельштама и Трубка Мамардашвили. М.: Новая школа, 1997.

Зинченко В.П. Мысль и Слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). М.: Изд-во УРАО, 2000.

Зинченко В.П. (при участии Горбова С.Ф., Гордеевой Н.Д.). Психологические основы педагогики (Психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д.Б. Эльконина — В.В. Давыдова): Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2002.

Зинченко В.П. Алексей Алексеевич Ухтомский и психология // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко / Под общ. ред. Т.Г. Щедринной. М.: РОССПЭН, 2011. С. 231—271.

Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии [1977] // Постнеклассическая психология. Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. 2004. № 1. С. 45—70.

Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984.

Ильенков Э.В. Школа должна учить мыслить. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2002.

Леонтьев А.А. Л.С. Выготский. М.: Просвещение, 1990.

Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001.

Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003.

Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е. Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005.

Леонтьев А.Н. Биологическое и социальное в психике человека // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 1. С. 76—95.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Академия, 2004.

Леске М., Редлов Г., Штилер Г. Почему имеет смысл спорить о понятиях. М.: Политиздат, 1987.

Мареев С.Н. Из истории советской философии: Лукач—Выготский—Ильенков. М.: Культурная Революция, 2008.

Михайлов Ф.Т. Предметная деятельность... чья? // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 10—26.

Соколова Е.Е. Введение в психологию: Учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2005. (Общая психология: В 7 т. / Под ред. Б.С. Бра-туся; Т. 1).

Соколова Е.Е. К проблеме соотношения значений и смыслов в научной деятельности (опыт равнодушного прочтения книги А.А. Леонтьева «Деятельный ум») // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 119—125.

Соколова Е.Е. Есть ли будущее у теории деятельности? // Вопросы психологии. 2011. № 4. С. 129—140.

Соколова Е.Е., Федорович Е.Ю. Возможности деятельностного подхода в изучении исследовательского поведения животных // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 92—100.

Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002.

Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997.

Поступила в редакцию
09.11.15

ONE CANNOT BE A PSYCHOLOGIST WITHOUT BEING A PHILOSOPHER OR WHY DISPUTES ON NOTIONS MAKE SENSE

*Elena E. Sokolova*¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, Department of Psychology, Moscow, Russia*

Abstract: The article was written in the context of creative legacy of A.A. Leontiev (1936—2004). Responding to the scientist's call to intensify psychological methodology work and enhance "the criticism of notions", the author analyzes the history and development of the notion of "functional organ" in the psychology of activity. Contrary to the popular recent trend defining mentality (psyche, mind) as a functional organ of individual or soul, the author insists on defining mentality (psyche, mind) as a functional organ of activity, which corresponds rather to the spirit than to the letter of activity approach in psychology by interpretation of A.N. Leontiev School. Such understanding may help to bring psychology out of dichotomy of mechanistic and spiritualistic theories. Even L.S. Vygotsky used to note that without overcoming this barrier the normal development of psychological science and practice is impossible.

Key words: A.A. Leontiev, psychological methodology, functional organ, activity, mentality (psyche, mind), activity approach in psychology, A.N. Leontiev School.

References:

- Gordeeva, N.D., Zinchenko, V.P. (1982) *Funktsional'naya struktura deystviya* [Functional structure of action]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Gusel'tseva, M.S. (2013) *Evolyutsiya psikhologicheskogo znaniya v smene tipov ratsional'nosti (istoriko-metodologicheskoe issledovanie)* [Evolution of psychological knowledge in the changing types of rationality (historical and methodological study)]. Moscow: Akropol'.
- Gusel'tseva, M.S. (2014) *Intellektual'nye traditsii rossiyskoy psikhologii (kul'turno-analiticheskiy podkhod)* [Intellectual tradition of Russian psychology (cultural-analytical approach)]. Moscow: Akropol'.
- Ilenkov, E.V. (1984) *Dialekticheskaya logika. Ocherki istorii i teorii* [Dialectical logic. Essays on the history and theory]. 2-e izd., dop. Moscow: Politizdat.
- Ilenkov, E.V. (2002) *Shkola dolzhna učit' myslit'* [School should teach to think]. Moscow: MPSI; Voronezh: NPO «MODEK».
- Leontiev, A.A. (1990) *L.S. Vygotskiy* [L. S. Vygotsky]. Moscow: Prosveshchenie.

Leontiev, A.A. (2001) *Deyatel'nyy um (Deyatel'nost', Znak, Lichnost')* [Active mind (Activity, Sign, Personality)]. Moscow: Smysl.

Leontiev, A.A. (2003) *Yazyk i rechevaya deyatelnost' v obshchey i pedagogicheskoy psikhologii: Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Language and speech activity in General and educational psychology: Selected psychological works]. Moscow: MPSI; Voronezh: NPO «MODEK», 2003.

Leontiev, A.A., Leontiev, D.A., Sokolova, E.E. (2005) *Aleksey Nikolaevich Leontiev. Deyatel'nost', soznanie, lichnost'* [Aleksi Nikolaevich Leontiev. Activity, consciousness, personality]. Moscow: Smysl.

Leontiev, A.N. (1983) *Biologicheskoe i sotsial'noe v psikhike cheloveka* [Biological and social in the human psyche]. In Leontiev A.N. *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya: V 2 t. T. 1. P. 76—95*. Moscow: Pedagogika.

Leontiev, A.N. (2004) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Smysl; Akademiya.

Leske, M., Redlov, G., Shtiler, G. (1987) *Pochemu imeet smysl sporit' o ponyatiyakh* [Why is it reasonable to argue about concepts]. Moscow: Politizdat, 1987.

Mareev, S.N. (2008) *Iz istorii sovetskoy filosofii: Lukach—Vygotskiy—Il'enkoy* [From the history of Soviet philosophy: Lukacs—Vygotskiy—Ilyenkov]. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya.

Mikhaylov, F.T. (2001) *Predmetnaya deyatelnost'... ch'ya?* [Object-oriented activity — whose?]. *Voprosy Filosofii* [Problems of Philosophy], 3, 10—26.

Sokolova, E.E. (2005) *Vvedenie v psikhologiyu: Uchebnik dlya stud. vyssh. ucheb. Zavedeniy*. In B.S. Bratus (ed.) *Obshchaya psikhologiya: V 7 t. T. 1*. Moscow: Akademiya.

Sokolova, E.E. (2006) *K probleme sootnosheniya znacheniy i smyslov v nauchnoy deyatelnosti (opyt neravnodushnogo prochteniya knigi A.A. Leontieva «Deyatel'nyy um»)* [To the problem of correlation of meanings and values in research activities (experience caring reading of the book by A. A. Leontiev «Active mind»)]. *Psikhologicheskij Zhurnal* [Psychological Journal], 27, 1, 119—125.

Sokolova, E.E. (2011) *Est' li budushchee u teorii deyatelnosti?* [Is there a future for the theory of activity?]. *Voprosy Psikhologii* [Problems of Psychology], 4, 129—140.

Sokolova, E.E., Fedorovich, E.Yu. (2013) *Vozmozhnosti deyatelnostnogo podkhoda v izuchenii issledovatel'skogo povedeniya zhivotnykh* [The potential of the activity approach to the study of animal behavior research]. *Voprosy Psikhologii* [Problems of Psychology], 3, 92—100.

Ukhtomskiy, A.A. (2002) *Dominanta* [Dominanta]. SPb.: Piter.

Vasilyuk, F.E., Zinchenko, V.P., Meshcheryakov, B.G., Petrovskiy, V.A., Pruzhinin, B.I., Shchedrina, T.G. (2012) *Metodologiya psikhologii: problemy i perspektivy* [The methodology of psychology: problems and prospects]. Moscow; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

Vygotsky, L.S. (1984) *Uchenie ob emotsiyakh: Istoriko-psikhologicheskoe issledovanie* [Teaching about emotions: Historical and Psychological Study]. In Vygotsky, L.S. *Collected works, vol. 6*, pp. 91—318. Moscow: Pedagogika.

Vygotsky, L.S. (2006) Dva fragmenta iz zapisnykh knizhek. Psikhofizicheskaya problema. *Vestnik RGGU. Ser. Psikhologiya* [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Psychology Series], 1, 294—298.

Yudin, E.G. (1997) *Metodologiya nauki. Sistemnost'. Deyatel'nost'* [Methodology of science. Consistency. Activities]. Moscow: URSS.

Zinchenko, V.P. (1983) A.N. Leontiev i razvitie sovremennoy psikhologii. In Leontiev A.N. *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya* [Selected psychological works], vol. 1, pp. 8—16. Moscow: Pedagogika.

Zinchenko, V.P. (1997) *Posokh Mandel'shtama i trubka Mamardashvili* [Staff of Mandelstam and tube of Mamardashvili]. Moscow: Novaya shkola.

Zinchenko, V.P. (2000) *Mysl' i Slovo Gustava Shpeta (vozvrashchenie iz izgnaniya)* [The Thought and Word of Gustav Shpet (return from exile)]. Moscow: Izd-vo URAO.

Zinchenko, V.P. (pri uchastii Gorbova S.F., Gordeevoy N.D.) (2002) *Psikhologicheskie osnovy pedagogiki (Psikhologo-pedagogicheskie osnovy postroeniya sistemy razvivayushchego obucheniya D.B. El'konina — V.V. Davydova)* [Psychological foundations of pedagogy (Psycho-pedagogical bases of construction of system of developing training of D. B. Elkonin — V. V. Davydov)]. Moscow: Gardariki.

Zinchenko, V.P. (2011) Aleksey Alekseevich Ukhtomskiy i psikhologiya. In T.G. Shchedrina (ed.) *Stil' myshleniya: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniya. K 80-letiyu Vladimira Petrovicha Zinchenko* [Style of thinking: the problem of historical unity of scientific knowledge. On the 80th anniversary of Vladimir Petrovich Zinchenko] (pp. 231—271). Moscow: ROSSPEN.

Zinchenko, V.P., Mamardashvili, M.K. (2004) Problema ob'ektivnogo metoda v psikhologii [1977]. *Postneklassicheskaya psikhologiya. Zhurnal konstruksionistskoy psikhologii i narrativnogo podkhoda* [Post-nonclassical Psychology. Journal of Constructionist Psychology and Narrative Approach], 1, 45—70.